

Халина Наталья Васильевна

Аникин Денис Владимирович

Валюлина Екатерина Владимировна

DOI 10.31483/r-74812

**ОРИЕНТАЛЬНЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕННЫЕ:
ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ТЕКСТОВЫЕ ЭКЗЕМПЛЫ
НОВОПЕРСИДСКОГО КОНТИНУУМА НАЧ. XX – 10-ЫХ ГГ. XXI В.**

Аннотация: в работе исследуется экология культуры новоперсидского континуума, представленного в двух ипостасях-состояниях: иранский дискурс и иранский диспозитив. Иранский дискурс рассматривается на материале Вступления к переводу на английский язык «Шахнаме» Фирдоуси, сделанный и опубликованный Артуром Георгом и Эдмондом Ворнерами в начале XX века. Иранский диспозитив исследуется на материале иранских медиа начала XXI века. Методологической основой работы является герменевтический метод, феноменологический подход, лингвистическая топология. В качестве структурных единиц анализа выступают лингвоэкологические переменные, или экзистенциалы, представленные текстовыми экземплярами. Проведенный анализ позволяет сделать выводы об онтологическом измерении иранского дискурса и стратегическом императиве иранского диспозитива, детерминированными онтологической безопасностью иранского общества и институциональной культурой Шанхайской организации сотрудничества.

Ключевые слова: экология культуры, иранский дискурс, Шахнаме, иранские медиа, текстовые экземпляры, ментальный ландшафт, топология культурной рефлексии, экзистенциальная топология.

Abstract: the ecology of a new Persian continuum culture, represented in two hypostases-states: the Iranian discourse and the Iranian dispositif is examined in the work. The Iranian discourse is considered on the basis of the introduction to the English translation of «Shahnameh» by Firdausi, composed and published by Arthur George and Edmond Warner in the early twentieth century. The Iranian dispositif is

studied on the material of the Iranian media at the beginning of the twenty first century. The methodological basis of the work is the hermeneutical method, the phenomenological approach, and the linguistic topology. The structural units of analysis are linguoecological variables, or existentials, represented by text examples. The analysis makes it possible to draw conclusions about the ontological dimension of the Iranian discourse and the strategic imperative of the Iranian dispositif, determined by the ontological security of the Iranian society and the institutional culture of the Shanghai cooperation organization.

Keywords: *ecology of the culture, Iranian discourse, Shahnameh, Iranian media, text examples, mental landscape, topology of cultural reflection, existential topology.*

Понятие «экологии культуры», введенное Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, сосредотачивает внимание общества на воздействии состояния художественной и культурной среды на внутренний мир человека, его культурное самоощущение: «Экология представляет собой взгляд на мир как на дом. Природа – дом, в котором живет человек. Но культура тоже дом для человека, причем дом, создаваемый самим человеком. Сюда входят самые разнообразные явления – материально воплощенные и воплощенные в виде идей и различного рода духовных ценностей» [4, с. 91].

Рефлексия на дом-природу, в котором человек живет, получает отражение в семантическом континууме этноса и его ментальном ландшафте, определяющем пределы концептуального пространства социума, которые отмечены лингвистическими переменными. Х. Хаарман [13] предлагает рассматривать демографические, социальные, политические, культурные, психические, интеракционные и лингвистические варьирующиеся структуры в качестве экологических переменных. Одно из первых методологических положений экологического подхода к исследованию лингвистических структур в рамках эколингвистики предлагают Р. Харре, И. Брокмайеру, П. Мюльхойслеру [14]: язык и языковые структуры рассматриваются как система единичных структур, взаимодействующих с окружающим миром.

Мы обращаемся к исследованию экологии культуры новоперсидского континуума [9] через анализ лингвоэкологических переменных, конструирующих иранский дискурс [17] и иранский диспозитив [16].

Дискурс, в этом случае, понимается, в соответствии с положениями дискурсивной теории М. Фуко [6], в качестве программы некой институции – системы норм, правил, символов, регулирующих ментально-ландшафтную сферу жизни британского социума, определяемую топологией культурной рефлексии. Топология культурной рефлексии, как полагают Н.И. Киященко и Л.П. Киященко [3], разворачивается на «границе культур»: горизонт превращается в инстанцию созерцания, с которой возможно смотреть на мир и на себя, понять себя и мир во взаимном натяжении.

Место встречи горизонтали и вертикали – ландшафт, сосредоточием и началом разворачивания которого является место, топос [1]. В качестве ментальной экологической переменной для ориентального ментального пространства Британии начала XX в. выступает Иран – доминирующий топос «Шахнаме» Фирдоуси, перевод которого предлагается вниманию публики Артуром Георгом и Эдмондом Ворнерами.

Физический ландшафт Ирана обуславливает возможность рефлексии – ментального сдвига, когда природа начинает переживаться как нечто отстраняющееся от человека. Причем рефлексии двух типов: on-line – предполагающей ответную рефлексию через визуализацию лексически очерченного ландшафта Ирана; off-line – встреча «горизонтали» (физического ландшафта Ирана) и «вертикали» (физического ландшафта Британии), результатом которой становится иранский экзистенциал как элемент британской феноменологической топики.

Братья Ворнеры выбирают иранский экзистенциал, или иранскую тему, в качестве темы рассмотрения британского экзистенциального бытия. Экзистенциалы рассматриваются в двух аспектах: а) как основания человеческого бытия; б) как ценностные узлы, «плавающие опоры» задающие определенные координаты в хаотических состояниях мира, позволяя

осуществить переход от исходного психологического измерения к глубинному онтологическому [2].

Номинация раздела «Введения», включающего описание ландшафта Ирана, феноменологически экзистенциально ориентирована – LAND AND PEOPLE – «Земля и люди», или «место, формирующее модель восприятия мира и его интерпретации». Прежде всего, объясняется необходимость в описании физического ландшафта Ирана: «IRAN, the chief scene of Firdausi's Shahnama...» [17, p. 3]. Топологические экземпляры географического ландшафта *the Indian Ocean, the Tigris and Euphrates, and by the Persian Gulf, Persia, Afghanistan, Baluchistan, small portions of Russia and Turkey* дополняются: «It is a lofty and for the most part a rainless tableland traversed by numerous mountain-ranges divided from each other by flat plains and falling away toward the centre, which is a desert white with salt scurf or dun with powdery dust. The mountains are highest round the edges of the tableland and intercept most of the rainfall. Some moisture, however, finds its way even into the rainless region, where it gathers during winter on the higher hills in the form of snow. This snow-water is carefully husbanded, and distributed by means of underground water-courses. The interior is, however, drying up, and city, village, and cultivated field are being gradually overwhelmed in » [17, p.3]. Плавающие опоры, «ценностные узлы» *mountain-ranges – powdery dust – rainless region – the form of snow – snow-water – dust and shifting sands* – точки-экземплы, экологические переменные, «зацепляющие» взгляд созерцателя, скользящий по географическому ландшафту, и становящиеся основой для создания иранского ментального ландшафта, или британской топологической культурной рефлексии: *Иран – это регион зыбучих песков, порошкообразной пыли, безоблачных гор и воды из снега.*

Экологические переменные – основные факторы, определяющие языковое поведение социальных групп и отдельных личностей. Они должны учитываться при описании экологической системы, в качестве которой может рассматриваться как среда создания текста – текста Фирдоуси «Шахнаме» и иранский текст британского созерцателя-читателя.

От психологического измерения Ирана авторы Introduction переходят к глубинному онтологическому – характеристике людей, связавших свою жизнь с «этим» местом, с «этим» ландшафтом, «этой» Землей: «Let us now turn from the land to the people» [17, p. 6]. Авторы подчеркивают, что космогония и религия иранцев (Iranians) в значительной степени обусловлены особенностями физического ландшафта, а этнические традиции порождены окружающей средой.

Среда, в которой формировались традиции иранцев, картина мира и модель поведения, а соответственно психологическое пространство, определяемое экзистенциалами исторических отношений иранцев как основания их бытия: отношений с семитами, представленными ассирийцами в более ранние времена и арабами в более поздние, с индоевропейскими расами, представленными греками и римлянами на западе и индусами на востоке, с туранцами в лице киммерийцев, скифов, парфян, гуннов и тюрок. Следовательно, «Иное», «Другое» иранской этнической культуры размещается, в соответствии с канонами древнегреческого феноменолого-топографического описания, в границах персидского семантического континуума, внутри-предела.

Соответственно выделяется уровни «внутри-предела» – уровни погружения в онтологическое измерение: иранцы – семиты, иранцы – греки и римляне, иранцы – арии Индии, иранцы – туранцы. Каждый уровень также имеет свой уровень предельности, который определяется хронологией событий в контексте дискурса властвования / управления территорией и проживающим на ней населением, т. е. владение иранским дискурсом как системой норм, регулирующих ментально-ландшафтную сферу жизни иранцев, определяемую топологией их культурной рефлексии.

Пределы уровня «иранцы – семиты», соответственно, топология культурной рефлексии в ветви «иранцы – семиты» британского дискурса задаются синтагмами: «*the whole of the western frontier of Iran, from the Medes in the north to the Persians in the south*» и экземплярами «*Eastern history*», «*Khalifas*», «*Persian kings*», «*ruled over Western and Southern Iran*», «*the famous Iranian hero*»,

«*Turkman descent*», «*the political supremacy*». В качестве топологических структур новоперсидского континуума сопоставляются экологические переменные «западный фронтир Ирана» «западный и южный Иран», «восточная история», «персидские цари», иранский герой, что в совокупности создает состояние политического превосходства или выход за пределы ментального ландшафта за счет введения Иного «*Khalifas*» *Turkman descent*.

Пределы уровня «иранцы – греки и римляне» и топология культурной рефлексии в ветви «иранцы – греки и римляне» британского дискурса представлены синтагмами: *The historic strife between Persian and Greek, Iranian legend, authentic history, with the invasion of the East by Alexander the Great, Greek tradition, patriotism, the great overthrow of the East by the West* и *all events, native dynasty rules again in Iran, common ground, Iranian and Roman history, Iranian tradition*. Доминирующей единицей становится сочетание «аутентичная история», которая превращает иранские легенды в иранскую традицию, основывающуюся на великом противостоянии Востока и Запада. Иранскую историю, события которой развиваются таким образом, что позволяют прийти к власти «родной» (иранской) династии.

Пределы уровня «иранцы – арии Индии» и топология культурной рефлексии в ветви «иранцы – арии Индии» британского дискурса выражены через феноменологическую топику религии: *the interest for us is chiefly a religious one*. Для развития подобной темы актуальными оказываются синтагмы *Indian king, Buddhism* территориально соотносимые с восточным Ираном (*Eastern Iran*) и временными границами жизни территории: *the end of the tenth and the beginning of the eleventh century*.

Пределы уровня «иранцы – туранцы» и топология культурной рефлексии в ветви «иранцы – туранцы» британского дискурса при достаточном нарративном представлении можно свести к нескольким текстовым репрезентациям: *nations of the North, the higher civilisations of the South, little better than the Assyrians* и *Half Iran was Shiite and the other half Sunnite*, дополненных «вставочными» смыслами-экземплярами *the Turkman element, Persia, great king and the great poet*

contemporaries. Доминирующим, в этом случае, следует признать противопоставление северных и южных территорий, возможность сопоставления этносов по микроформуле «лучше, чем», разделение Ирана на два сегмента на основе доминирования на территории определенной системы религиозной воззрений.

Таким образом, топология культурной британской рефлексии, составляющая основание иранского дискурса, включает в себя два структурных сегмента: а) топологию иранского (персидского) физического ландшафта; б) экзистенциалы, «плавающие опоры», или экологические переменные, – драйверы проектного мышления, знакомящегося с текстом и отбирающего когнитивную практику, требуемую для освоения новоперсидского континуума, частью которого является «Шахнаме» Фирдоуси; в) задание топологической перспективы / ретроспективы исторического события как когнитивной структуры пространства и, отчасти, времени.

Собственно описание – дискретизация – состояния «внутри-предела» создается в иранских медиа начала XXI в., в частности, в статье Behzad Khoshandam [16]. Подобное описание сопоставимо с диспозитивом, в его понимании М. Фуко [6]: диспозитив – это система стратегических ориентиров целеполагания, имплицитно задаваемых характерным для общества комплексом «власти-знания», матрица конфигурирования культивируемых обществом практик. Диспозитив вмещает в себя стратегический императив, который для Ирана потенциально структурирован в оценке мирового репутационного статуса (статуса властных полномочий) Шанхайской организации сотрудничества (ШОС): «*The SCO has been considered among the most important Asian actors in international system in interactions among big world powers since the termination of the Cold*» [16].

Стратегической потенциальной целью для Ирана становится обретение статуса достаточного значимого азиатского актора, или актора азиатского политического пространства. Анализ иранского дискурса, конструированного во Введении к британскому переводу «Шахнаме» демонстрировал актуальность

для Ирана восточной истории, а, следовательно, восточного политического пространства. «Азиатский вектор» в геополитике Ирана обретает значимость в связи с направленностью политики Ирана на достижение состояния безопасности как внутри территорий (внутри-предела) Ирана, так за пределами этих территорий (вне-предела), что гармонизирует интенции Ирана с интенциями ШОС: *«Having the cooperation of powerful partners like Iran will increase the influence of the SCO in such areas as fighting terrorism and drug smuggling; elimination of poverty and economic inequalities; preventing foreign interventions; bolstering regional security, realizing a multipolar world; strengthening border security; and overcoming border problems. In such fields, Iran's cooperation will have serious, powerful and long-term outcomes for that organization and its member states [16].»*

Behzad Khoshandam считает, что кооперация ШОС с таким сильным партнером, как Иран укрепит усилия ШОС в таких областях, как борьба с терроризмом и контрабандой наркотиков. Выступая в качестве системного стратегического ориентира иранского диспозитива, экзистенциал *«security»* означает два основных системных действия Ирана как региональной организационной структуры: *bolster* («поддерживать имеющее место положение дел, т. е. позицию ШОС») и *strengthen* («укреплять, усиливать совместные усилия стран ШОС, предоставляя в распоряжение собственный потенциал – знания и опыт») (*bolstering regional security, strengthening border security*).

Понятие «безопасность» приобретает в иранском диспозитиве статус феноменологической топики, которая выступает в качестве необходимого ментального пространства для осмысления современным иранским обществом собственной самости в контексте азиатского политического пространства в модусах экзистенциалов. Экзистенциал *«security»* – это и особого рода переживание, включающее спектр частных переживаний, относящихся к бытию собственного «Я», миру, людям, или «онтологическая уверенность», т. е. *«ontological security»* [5].

Шанхайская организация сотрудничества для Ирана в статусе наблюдателя (*Iran's observer status*) становится интегрированной информационной средой, в которой Иран может накапливать новый опыт переживания связей «внутри-предела» (т. е. внутри Иранского государства), и проверять степень коннективности и прочности этих связей «вне-предела» – в реальном многостороннем сообществе безопасности:

«Iran's observer status in the SCO has been the first experience of the Islamic Republic of Iran in the area of membership in a real multilateral security community subsequent to the Islamic Revolution in 1979» [16].

Статус наблюдателя (*observer*) Ирана в ШОС экплицирует экологическую переменную «фронтир», в его понимании великим китайским историком Сыма Цянем как «подвижной границы», перемещение которой должно решить задачу онтологической безопасности государства и его культуры. «В результате перемещения границы создается специфическая зона-среда, в которой возможно производство информационных продуктов, интегрирующих ментальные и лингвистические ландшафты граничащих территорий» [5, с. 17].

Кроме того, статус «*observer*» заставляет Иран постигать особенности институциональной культуры ШОС, сопоставляя экологические переменные дискурса ШОС с экологическими переменными иранского дискурса. При этом следует учесть то, что, в этом случае, «*institutional culture not so much as a matter of total quality management, but rather as part of total quality care*» [15, p. 16].

Политические интенции Ирана получили своеобразное визуальное представление в иллюстрациях, сопровождающих текстовое изложение характера взаимодействия Ирана и ШОС (см. рис. 1–2).

Тождество стратегических позиций *Islamic Republic of Iran* и Шанхайской организации сотрудничества графически подтверждается двумя визуальными экзистенциалами (рис. 1): 1) линией-границей Исламской Республики Иран, очерчивающей область семантической интеграции новоперсидского континуума и символического пространства ШОС; 2) принципиальным тождеством символического обозначения переживания отношений с миром, своего «дома

бытия», что влияет на опыт управления тревоги, требующий создания онтологических рамок повседневности, онтологической безопасности, или «внутри-предела».



Рис. 1. Иллюстративное представление статуса Ирана в ШОС – статуса наблюдателя (Iran's observer status in the SCO) [16]

Актуальным становится понимание М. Хайдеггером языка как дома бытия: «Язык не просто язык, который мы себе представляем, и то еще в хорошем случае, как единство фонетического (письменного) образа, мелодии, ритма и значения (слова). Мы видим в звуковом и письменном образе тело слова, в мелодии и ритме – душу, в семантике – дух языка. Мы обычно осмысливаем язык из его соответствия сущности человека, представляемой как *animal rationale*, т.е. как единство тела-души-духа, но как в *humanitus* животного человека» (*homo animalis*), как экзистенция, и, тем самым, отношение истины бытия к человеку остаются за занавесом, так как метафизическое телесно-духовное истолкование языка скрывает язык в его бытийно-историческом существе. Сообразно этому последнему язык есть осуществляемый бытием и пронизанный его складом дом бытия... Человек не только живое существо,

обладающее среди прочих своих способностей также и языком. Язык есть дом бытия, живя в котором человек экзистует, поскольку оберегая истину бытия, принадлежит ей». А именно: «...Бытие, высветляясь, просит слово... Оно всегда говорит за себя. Давая о себе знать, оно в свою очередь позволяет сказаться экзистующей мысли, дающей ему слово. Слово тем самым выступает в просвет бытия. Только так язык начинает <быть> своим таинственным и, однако, правящим способом. Экзистенция мысляще обитает в доме бытия. И все это происходит так, как если бы из мыслящего слова ничего не выходило» [7, с. 7, 18, 27, 40, 41, 65, 68].

Иранские медиа визуализируют мыслящее обитание экзистенциала безопасности в доме бытия языка новой коммуникации, который создается всеми участниками ШОС, но особенно Россией и Китаем: «*In their approach to the SCO, China and Russia have seen this world body and its actors as a tool in the geopolitical expanse of the world's heartland, which can be used for bargaining and meeting the maximum degree of their national interests. In its first step toward geographical expansion within the international system, the SCO has been trying to attract new members in order to boost the international credit and prestige of its major actors*» [16].

Иранские элиты, репрезентирующие язык иранского дома бытия, выделяют два аспекта – экологических переменных, значимых для ментального ландшафта Исламской Республики Иран: 1) коммуникация с ШОС – шаг вперед на основе логики построения альянсов (*the basis of the alliance-building logic*) во внешней политике страны; 2) коммуникация с ШОС должна быть равной по значимости коммуникации с другими международными и региональными органами и строится на основе беспристрастного подхода (*must be balanced and equal to its participation in other international and regional organizations based on the impartial and nonaligned approach that has governed Iran's foreign policy following the Islamic Revolution*).

Символически беспристрастный подход как феноменологическая топика Шанхайской организации сотрудничества представлен в форме гештальта «Всевидящее Око» (см. рис. 2).



Рис. 2. Экранирующая поверхность, расположенная между *Observer 1* (созерцателем политической истории) и *Observer 2 (Islamic Republic of Iran)*

Экранирующая поверхность, на что обращает внимание Ш.М. Шукуров [10], является пороговой фигурой силы, характеристиками которой являются рефлексия и накопление энергии для схватывания объекта видения и наблюдателя. Экранирующая поверхность «Shanghai Cooperation Organization» располагается между *Observer 1* (созерцателем политической истории) и *Observer 2 (Islamic Republic of Iran)*, осуществляя переход от иранского диспозитива к дискурсу визуального восприятия *Islamic Republic of Iran* в контексте онтологической безопасности Шанхайской организации сотрудничества. «...фигуры силы являют собой реальное, физическое

взаимодействие трех составляющих любого дискурса, в основе которого лежит структурообразующее «видение как». <...> говоря языком гештальта, окончательное смыкание, сцепление наших фигур силы, что позволяет судить об устойчивости внутренних и внешних связей того же образа. Следует еще раз повторить: ментальная и образная целостность изоморфны не фигурально, а согласно порядку их организации» [10, с. 163].

Актуальной при интерпретации экранирующей поверхности «Shanghai Cooperation Organization» является экзистенциал топология культурной британской рефлексии «иранцы – арии Индии». Пределы этого уровня задаются феноменологической топикой религии.

Ш.М. Шукуров полагает, что каждая новая топологическая организация естественным образом продуцирует новый характер сцепленности и новое завершение, которое позволяет обнаружить потенциально существующее, присутствующее, ожидающее своей очереди вхождения в целостную картину пространственно образа. В качестве последнего, в нашем случае, выступает пространственный образ «Shanghai Cooperation Organization», в качестве потенциально присутствующего – *Islamic Republic of Iran*. Продуцирование нового характера сцепленности возможно, когда «еще невидимый привходящий топос полностью не переорганизует и целостно не складывает складывающийся образ» [10, с. 164].

Топологическое взаимоотношение фигур силы создает целостность, которая опирается на стратегию «outside one another». Проблему «outside one another», отложенного присутствия, акцентировал В. Кёлер: а) любое целостное присутствие предполагает также отложенность еще не обретшего наглядного присутствия, б) отстраненные пространственно феноменальные объекты соотносятся по принципу вблизи (*next to*) и вне чего-либо (*outside of*) [10].

Правый сегмент экранирующей поверхности «Shanghai Cooperation Organization» содержит три фигуры силы: символы в центре государственного флага Исламской республики Иран, государственного флага Индии и гештальт «Всевидающее око».

Мы более подробно остановимся на анализе символа, расположенного в центре государственного флага Индии, называемого «Ашока чакра» и визуально эквивалентного гештальту «Всевидящее око». «Ашока чакра» представляет собой колесо с 24 спицами, которое традиционно стилизовано изображается как колесо с 8 спицами. «Ашока чакра» символизирует развитие и движение. Его второе название «Дхармачакра», которое указывает на необходимость справедливости и следования долгу, и является символом дхармы. Слово «дхарма» буквально переводится как «то, что удерживает или поддерживает» (от санскритского корня *дхар* или *дхри dhri*^{LAST} – «держат, поддерживают»). В зависимости от контекста дхарма может означать «нравственные устои», «религиозный долг», «универсальный закон бытия» и т. п. Дхарму также описывается как совокупность установленных норм, и правил, соблюдение которых необходимо для поддержания космического порядка. Вращение колеса символизирует изложение и объяснение Закона для спасения всех живых существ. «Вращателем колеса» является Будда. Первый поворот колеса соотносят с бенаресской проповедью Будды «Дхармачакра-правартана-сутра» («Сутра запуска дхармачакры»). Второй поворот дхармачакры определен появлением праджняпарамитских сутра, третий – с оформлением учения виджнянавады.

Первый поворот дхармачакры сопровождается формированием «компетенций» внешнего поведения, которое должно соответствовать нравственному кодексу для монаха или монахини. Второй поворот дхармы сосредотачивает на внутреннем настрое, которому соответствует кодекс поведения мирянина (или мирянки), берущих на себя ответственность за других. Третий поворот дхармачакры раскрывает смысл восьмиричного пути, соответствующего нравственному кодексу йогов, соединяющих постоянную практику с чистым взглядом на вещи.

Выраженные вербально намерения Исламской республики Иран, касающиеся участия, в деятельности ШОС, таким образом, получают символическое подтверждение в виде визуального экстенциала – экологической

переменной. В этом создатели визуального иранского медийного текста аксиологически созвучны идее Л.-Ж. Кальве о гравитационной модели языков [11]. В соответствии с правилами функционирования языковой галактики (гравитационной модели языков) государству, международным организациям, призванным решать проблемы языка, рекомендуется формировать экологическую языковую политику [8].

Положение феноменального объекта *Islamic Republic of Iran* вблизи (next to) феноменального объекта «Shanghai Cooperation Organization» влияет на формирование особого ориентального ландшафта в евразийском пространстве как жизненной основы, как процесса. Ландшафт, по замечанию Герхарда Эрмишера [12], следует рассматривать как процесс, живой холст, на котором запечатляются не только изменения природы, но и трансформации человеческой культуры. Экологически важным признается процедура ландшафтного планирования.

Исследование иранского дискурса и иранского диспозитива позволило нам выявить некоторые черты подобного планирования в области социальной экзистенции, связанного с экологическим аспектом существованием новоперсидского континуума в контексте европейского (британского) ментального ландшафта начала XX века и системы коннективностей Шанхайской организации сотрудничества 10-ых XXI в.

Список литературы

1. Артамошкина Л.Е. Феноменология ландшафта: итальянские впечатления В.В. Розанова // *Studia culturae*. – 2014. – №14. – С. 179–194.
2. Гагарин А.С. Феноменологическая топика: смысло-жизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. – 2009. – Вып. 9. – С. 7–26.
3. Киященко Н.И. Культура: диспозиция и композиция поэзиса (интервальный опыт истолкования) / Н.И. Киященко, Л.П. Киященко //

Ярославский педагогический вестник – 2013. – №4. – Т. I (Гуманитарные науки). – С. 288–293.

4. Лихачев Д.С. Экология культуры // Лихачев Д.С. Русская культура. – М.: Искусство, 2000. – С. 91–102.

5. Мансков С.А. Предисловие / С.А. Мансков, Н.В. Халина // Онтологическая безопасность алтайско-азиатского фронта: актуальные проблемы транснациональных медиаисследований. Выпуск 1: сборник статей по итогам проведения I Международной научно-практической конференции «Онтологическая безопасность алтайско-азиатского фронта: актуальные проблемы транснациональных медиаисследований» (Барнаул, 23–25 октября 2019) / под ред. С.А. Манскова и Н.В. Халиной. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – С. 16–19.

6. Фуко М. Слово и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Фуко; СПб.: А-сad, 1998. – 408 с.

7. Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Сборник. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 8–27.

8. Халина Н.В. К основаниям лингвосинергетической антропологии ландшафтного комплекса «Алтай» / Н.В. Халина, Н.Н. Столярова // Мир науки, культура, образование. – 2013. – №3 (40). – С. 279–281.

9. Халина Н.В. Соизучение культур и языков стран ШОС: знакомство с топонимией новоперсидского континуума / Н.В. Халина, Д.В. Аникин // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Научно-методический журнал. – 2018. – Вып. VII. – С. 140–149.

10. Шукуров Ш.М. Гештальт и теория видения // Историческая психология и социология истории. – 2009. – №1 – С. 154–179.

11. Calvet L.-J. Pour une ecologie des langues du monde. – Paris: Plon, 1999. – 304 p.

12. Ermischer G. Mental landscape: landscape as idea and concept // Landscape Research. – 2004. – Т. 29. – №4. – С. 371–383.

-
13. Haarman H. Weltgeschichte der Sprachen. Von der Frühzeit des Menschen bis zur Gegenwart. – Munich: Beck, 2006. – 397 p.
14. Harre R. Greenspeak: A Study of Environmental Discourse / R. Harre, J. Brockmeier, P. Muhlhausler. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1999. – 204 p.
15. Khalina N.V. Educational Discourse: Construction of Ontological Security / N.V. Khalina, A.V. Kovaleva, M.S. Voronin [et al.] // Journal of Social Studies Education Research. – 2018. – Т. 9. – №1. – С. 11–27.
16. Khoshandam B. Iran and Shanghai Cooperation Organization: Reciprocal Strategies and Viewpoints. Saturday, July 11, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iranreview.org/content/Documents/Iran-and-Shanghai-Cooperation-Organization-Reciprocal-Strategies-and-Viewpoints.htm
17. Warner A.G. Introduction // The Shahnama of Firdausi done into English by author George Warner, M.A. and Edmond Warner, B.A – Vol. I. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd, W., 1905. – С. 3–96.
-

Халина Наталья Васильевна – д-р филол. наук, профессор ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия

Аникин Денис Владимирович – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия

Валюлина Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия
